

СООБЩЕНИЯ

УДК 27–726.2

САМОСОЗНАНИЕ ЕПИСКОПОВ XI – СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА

П. В. Гайденко

Казанский национальный исследовательского технологический университет,
кафедра гуманитарных дисциплин, г. Казань

Внутренняя жизнь древнерусского духовенства, и особенно епископата не часто становилась предметом научного исследования. В представленной статье предпринята попытка выявить то, как осознавали свои поступки и собственную жизнь древнерусские архиереи XI – первой половины XIII вв. Анализ источников позволяет заключить, что большинство древнерусских архипастырей обладали высокой самооценкой. Причины этого явления следует искать не только в социальном происхождении святителей, но и в особенностях религиозного сознания и специфике церковных отношений описываемой эпохи.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусский епископат, история Русской Церкви, история русской церковной иерархии.

Историки русской церкви неоднократно обращали внимание на внешнюю сторону архипастырской жизни. Но не менее интересно понять то, как сами епископы воспринимали себя, как проявляли свой характер, что в себе ценили, а что нет. Проблема самоосознания себя древнерусскими архиереями не так давно прозвучала в одной из работ И. А. Никулина, попробовавшего разобраться в том, как осознавал и оценивал себя интересовавший исследователя сибирский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков)¹.

Заявив данную проблему, мы невольно вступаем на зыбкий и тонкий лёд исторической психологии, о существовании которой уже говорят², в то время как её критерии ещё не вполне разработаны, а пути и методы познания во многом основываются на обманчивой интуиции. Поэтому высказанные нами суждения необходимо рассматривать в качестве не более чем наблюдения.

Так или иначе, самоосознание находит своё выражение в ряде важных социальных и личностных переживаний и действий индивида, а в рассматриваемом случае – архиерея. В подобных поступках и занятиях присутствует стремление отождествить себя с определённым общественным кру-

¹ Никулин И. А. Митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий (Римский-Корсаков): восприятие своего служения архиереем конца XVII в. // Уральский исторический вестник. 2012. 3(306). С. 24–30.

² Пример таких усилий – журнал под редакцией А. П. Назаретяна и ряд конференций, проведённых С. Н. Полтораком. В отношении Древней Руси наиболее отчётливо проблема психологического подхода в отношении древней Руси прозвучала у Н. А. Мининкова (Мининков Н. А. Методология истории. Пособие для начинающего исследователя / отв. ред. И. М. Узародов. Ростов-на-Дону, 2004. С. 237–238).

гом, осознать важность и ценность собственной жизни, дел, решений и, наконец, создать собственный образ, черты и личные качества которого соотносили бы индивида с важной для него средой, делали его узнаваемым и запоминающимся. Не менее интересно разобраться, насколько целенаправленным и успешным был данный процесс, в чём он выражался. Наконец, какова была его особенность в сравнении с подобными действиями представителей иных социальных групп?

Как и кем воспринимали себя епископы? Что и какие качества они в себе ценили? Ответить на эти вопросы можно главным образом на основе косвенных свидетельств. До нашего времени не сохранились автобиографические записки русских архиереев, подобные тем, что отразились в поучении Владимира Мономаха, оставившего своим потомкам обширный источник о своей жизни и деяниях³. Поэтому сформулированная нами проблема наиболее полно может быть разрешена главным образом через рассмотрение индивидуальных образов, с учётом летописных портретов тех или иных епископов и, конечно же, при принятии во внимание их социального статуса и полученного ими воспитания.

Не вызывает сомнения то, что подавляющее число архипастырей дорожили своим священным саном, титулами и знаками отличия⁴. Очевидная для современников ценность епископского сана ясно прослеживается в Печерском Патерике, сообщающем о числе епископов, вышедших из стен обители⁵. Учитывая, что данная запись принадлежит еп. Симону, можно без сомнений констатировать, что святительский сан был крайне ценен уже сам по себе. И Симон, при всём напускном смирении, о котором постоянно напоминал своему собеседнику Поликарпу, всё же ревностно относился к святительскому положению, открывавшему перед его обладателем доступ к харизматическим дарам, колоссальной власти, богатствам и всевозможным благам жизни. Несомненно, что епископат в своём большинстве воспринимал себя людьми особыми, принадлежащими к верхушке общества, и относил себя к классу власть имущих. Уже одно появление титула «владыка» – явный признак самоосознания себя в качестве обладателя особой харизмы и смиренного признания собственной причастности к земной и небесной иерархии. Пример Лаврентия Туровского, призванного к высокому служению из затвора и в итоге тяготившегося своим саном и желавшего оставления кафедры, был скорее исключением, чем правилом⁶. Что же касается воздыханий епископа Симона, писавшего Поликарпу о том, что будучи архиереем

³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1999. Т. 1. Стб. 240–256; Поучение Владимира Мономаха // Памятники общественной мысли Древней Руси: /сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. Т. 1: Домонгольский период. С. 192–197.

⁴ Это видно и по предметам роскоши, и по ношению знаков отличия, белого клобука, и по настойчивому отстаиванию новгородскими архиереями своего архиепископского сана и титула владыки.

⁵ Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. Т. 4: XII в. С. 360, 361.

⁶ О Лаврентии затворнике см.: Киево-Печерский патерик. С. 396–399.

он был готов оставить епископство ради мирной жизни в стенах родной обители⁷, то в словах святителя вернее видеть не реальное решительное намерение, а педагогический приём, призванный научить своего адресата, Поликарпа, ценить достоинства монашеского общежития. Стоит заметить, что сам Симон, по-видимому, в конце жизни так и не вернулся в обитель, встретив свою смерть вне её стен. «Мечту» о возвращении под кров монастыря ради духовных подвигов суздальский епископ, скорее всего, предпочитал не реализовывать, а лелеять. Поэтому через письма Симона в Поликарпе виден образ типичного ставленника и претендента на епископскую кафедру, а в суздальском архипастыре обнаруживается пример человека, благополучно достигшего возжеленной цели⁸.

Большинство архиереев не торопилось оставлять свои кафедры. Если таковое и происходило, то чаще всего это оказывалось вынужденным поступком. Подобным образом обстоит дело с возможным уходом в монастырь митрополита Илариона и епископа Кирилла Туровского. Их удаление с кафедр было результатом не столько личного благочестия и стремления святителей покинуть суету мира, сколько следствием церковно-политических сделок правящих элит⁹. Правда, нельзя отрицать и того, что до своего возведения на митрополию Иларион действительно упражнялся в аскетических подвигах и вполне заслуженно должен быть назван родоначальником Печерского монастыря¹⁰, а Кирилл Туровский не оставлял без своего попечения обращавшихся к нему иноков¹¹. Показателен ещё один пример: история рос-

⁷ «Я бы с радостью оставил свою епископию и стал бы служить игумену в том святом Печерском монастыре» (Киево-Печерский патерик. С. 360, 361).

⁸ Замечания о личности Поликарпа см.: *Копреева Т. Н.* Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа (опыт реконструкции) // Труды отдела древнерусской литературы: Л., 1969. Т. 24: Литература и общественная мысль Древней Руси. С. 112–121.

⁹ Предположения М. Д. Присёлкова об удалении Илариона в монастырь и пребывании там бывшего митрополита под именем Никона наиболее полно передают напряжённость ситуации. И если учёный был прав, отождествляя образы Илариона и Никона, то уход митрополита в обитель не означал автоматического отказа первосвятителя от политической и иной деятельности. Подобным образом обстоит дело и с Кириллом Туровским. Его смещение и замена на менее яркую личность Лаврентия, явного представителя враждебного к Турову Киева, вероятно, было результатом каких-то политических соглашений, с которыми Кирилл должен был смириться и уйти в одну из местных туровских обителей. См. подробнее: Киево-Печерский патерик. С. 360–363; *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 66, 99–133; *Галимов Т. Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах в середине XII – первой трети XIII века // Вест. Челяб. гос. ун-та. Сер.: История. 2012. № 25(52). С. 109–110.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156; Киево-Печерский патерик. С. 318, 319. О связи митрополита Илариона с монашеством см.: *Присёлков М. Д.* Указ. соч. С. 96–106; *Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI в. 2009. № 4. С. 139–142; *Овчинников Г. К.* Иларион-русин – выдающийся мыслитель Древней Руси (Очерки жизни и творчества). М., 2011. С. 78–82.

¹¹ В этом отношении примечательны поучения Кирилла Туровского к инокам: Повесть Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве, о душе и о покаянии – Василию игумену Печерскому // *Колесов В. В.* Кирилл Туровский: Творения

товского епископа Кирилла, который, надо признать, оставил кафедральный город по собственному желанию. Однако в его осознанном и хорошо подготовленном уходе в монастырь, в который были заранее переданы богатства кафедры, едва ли оправданно усмотреть стремление престарелого святителя посвятить себя монашескому деланию. Окружённый роскошью и достатком, Кирилл использовал обитель в качестве своего рода пансиона, а не места подвижнических упражнений¹².

Не менее интересно понять, что более всего ценили святители в своей власти. В этом плане примечательны и показательны рассуждения уже упоминавшегося епископа Симона Суздальского: «Святительства нашего власть ты сам знаешь. И кто не знает меня, грешного, епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой, Суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел, и десятину собирают с них по всей земле той, – и этим всем владеет наше ничтожество. И все бы это оставил я, но ты знаешь, сколь великое дело духовное лежит на мне, и молю Господа, да подаст он мне благое время исполнить его»¹³. При всём декларируемом смирении явно видно, что для суздальского архиерея было весьма важным и ценным обладать известностью и оставаться погружённым в круговорот власти, распоряжаться огромными материальными ресурсами и хозяйством епископии.

Нарочитое акцентирование внимания на своих недостатках скорее говорит не о смирении архиереев, а об обратном, об отсутствии такового. В этом отношении показателен ещё один пример – письмо митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III. Обращаясь к понтифику, русский митрополит подчёркивал свою «худость» и «смирение»¹⁴. Несомненно, порядок письменного обращения к знатым адресатам регламентировался сложной системой этикетных норм, выработанных за многие годы эволюции византийского церемониала, призванного отразить идеи божественного величия империи и одновременно засвидетельствовать дружелюбие¹⁵. Но какими бы ни были мотивы и обстоятельства составления данного письма, которое

бл. Кирилла Туровского: Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты. М., 2009. С. 41–52; Кирилла, епископа Туровского, сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового: того носит образ, а этого наполняет делами // Там же. С. 53–64.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

¹³ Киево-Печерский патерик. С. 360–363.

¹⁴ Послание митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III // *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования. Тексты. Переводы / отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб., 1992. С. 37.

¹⁵ О развитии эпистолярного жанра, византийском и римском придворном и дипломатическом церемониале и протоколе см.: *Вуд Джон, Серре Жан* Дипломатический церемониал и протокол: Принципы, процедура и практика. М., 1976; *Куц Т. В.* Эпистолярная практика поздней Византии // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. № 39. С. 5–15; *Поляковская М. А.* Сакрализация парадной жизни императорского дворца эпохи Палеологов // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки, 2009. № 4(66). С. 229–237.

К. А. Костромин вполне удачно охарактеризовал как «экуменическое»¹⁶, очевидно, что митрополиту Иоанну явно льстило обращение к нему папы, что во многом и объяснило крайне мягкий и доброжелательный тон послания. Поэтому нарочитое выказывание своего смирения свидетельствовало не о скромности автора послания, а, наоборот, о его высоком социальном и каноническом статусе.

Несомненно, архипастыри дорожили комплексом тех прав, которыми были наделены. Особое место среди усвоенных архиереями полномочий занимает право совершения суда. По сути, именно оно в какой-то мере уравнивало права епископа и князя. К тому же святительский суд символизировал собой и суд Небесный, выступая прообразом Страшного Суда. Конечно, вопрос о том, в какой мере архиереи при вынесении своих решений были автономны от воли светского правителя, может быть отнесён к числу дискуссионных. Не менее проблематично определение реального объёма судебных полномочий древнерусских архипастырей и порядка совершаемых судебных процедур. Но едва ли вызывает сомнение то, что архиереи оберегали это право. Постоянное декларирование в списках Уставов Владимира и Ярослава запрета на вмешательство князей и бояр в решения епископского суда¹⁷ может быть рассмотрено как признак того, что княжеская власть неодобрительно относилась к судебной автономии епископата и не желала окончательно мириться с ней. На то, что святительский суд был важнейшей привилегией епископов, указывает неоднократное обращение летописания и житийной литературы к сюжетам, так или иначе связанным с церковными судами, самыми яркими из которых стали процессы над Лукой Жидятой¹⁸, епископом Феодором¹⁹, печерским игуменом Поликарпом²⁰, игуменом Авраамием Смоленским²¹. Иная проблема в том, что большинство этих судов воспринимались современниками как несправедливые и вступающие в про-

¹⁶ Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken, 2012. С. 155.

¹⁷ 54-ое правило Устава предписывает: «А что ся деет в монастырских делех, в ц(е)рк(о)вных, в самех монастырех, да не вступается кн(я)зь, ни волостел(ь)». Что касается, 55 и 56-го правил, то на виновных во вмешательство в церковный суд накладывалась клятва «святых отецъ» (Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 90).

¹⁸ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 182–183; М., 2000. Т. 4. С. 118; Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в. 2009. № 2. С. 146–152; Гайденко П. И. Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеревские чтения. 7 / отв. ред. М. В. Бибииков. М., 2009. С. 53–63.

¹⁹ ПСРЛ. М., 1999. Т. 2. Стб. 551–554; Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 112–118.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354–355.

²¹ Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 2005. Т. 5: XIII в. С. 38–53.

тиворечие с христианской моралью, каноническим и княжеским правом²². Нельзя пренебрегать и тем обстоятельством, что пышный и публичный процесс суда, производивший сильное впечатление на свидетелей разбирательства, был эффективным способом репрезентации епископской власти. Данное обстоятельство позволяло книжникам сравнивать эти суды с блистательным, торжествующим «сонмом» византийской церкви²³ или даже с «синедрионом», как он им рисовался из евангельских повествований о суде над Христом или агиографических сказаний о несправедливом обвинении Иоанна Златоустого²⁴.

Своё достоинство архиереи подчёркивали кругом лиц, допущенных к их «телам». Святители предпочитали окружать себя такими лицами или быть вблизи тех, чьё присутствие способствовало возвышению персоны епископа в глазах современников. С одной стороны, атрибутом архиерейского положения выступали их слуги, холопы, о которых, например, сообщают известия об обстоятельствах суда над Лукой Жидятой и о смерти другого новгородского епископа, Стефана²⁵. С другой стороны, это могло быть важ-

²² *Петр (Гайдено П. И.), иером., Филиппов В. Г.* Внутрицерковные конфликты в домонгольской Руси: причины возникновения и способы преодоления // Вестн. Екатеринбург. дух. семинарии. 2012. Вып. 2(4). С. 40–59.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

²⁴ Такая параллель явственно прослеживается в рассказе о суде над Авраамием Смоленским (Житие Авраамия Смоленского. С. 42–49).

²⁵ Что касается холопов, убивших новгородского епископа Стефана (ПСРЛ. Т. 3. С. 473), то нельзя исключать того, что их функции были связаны как с бытом епископа, так и с его охраной. Так, В. Н. Татищев в рассказе о новгородском мятеже, вызванном волхвами помимо всего сообщил, что епископ Феодор, действуя совместно с князем, вышел против горожан, «собрав своих людей дворовых» (*Татищев В. Н.* История Российская: в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 89). Во всяком случае, весьма примечательно, что архиепастыри доверяли свой быт не келейникам-инокам, присутствие которых было бы весьма уместно и естественно, а мирским лицам. В этом предпочтении прослеживаются замашки властных и тщеславных лиц. М. Н. Тихомиров высказывался за то, что убийство еп. Феодора было связано с киевским городским восстанием 1068 г (*Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 97). Но тогда возникает вопрос, почему архиерея убили не местные, недовольные властью киевляне, а те, кто должен был его охранять? Значит, причина гибели Феодора была всё же не в действиях восставших, а в отношениях архиерея и его чади. Собственно уже то, что домашние слуги, которые обычно считались в чести, оказались доведенными до такого состояния, что предпочли убить своего господина и пастыря более чем показательно. Но не менее замечательно и то, что деятельность и жизнь этого новгородского святителя оказалась интересна не его делами и способностями, о которых в летописании не прозвучало ни единого слова, а лишь одним – обстоятельствами его незавидной и лишённой ореола мученичества смерти. Несколько сложнее обстоит дело с холопами, оклеветавшими Луку Жидяту (ПСРЛ. Т. 3. С. 182–183; Т. 4. С. 118). Как бы ни разрешался вопрос об их участии в оговоре (Ср. разные точки зрения на обстоятельства дела: *Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии. С. 150–152; *Гайдено П. И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой. С. 58–61) ясно одно, Дудик и его помощники, являясь архиерейскими слугами, скорее всего, были свободными людьми и известными в городе лицами, т. е. не были простыми обычными холопами и, возможно, названы таковыми лишь со временем.

ное городское духовенство, статус которого в церковной и социальной иерархии средневекового общества порой не многим уступал положению самого архиерея²⁶. В-третьих, архиереи предпочитали иметь дело с равными себе или с теми, с кем хотели бы таковыми быть, и совершать поступки, которые воспринимались как наиболее значимые: в окружении князей, боярства. В этом отношении показательно, что при принятии Устава о церковных судах новгородский епископ предпочитал представлять интересы церкви лично, без представителей духовенства, но при поддержке церковных старост²⁷. Собственно уже то, что епископы Новгорода, а вслед за ними и архиереи Смоленска, Владимира и Перемышля именовались «владыками», по сути, светским титулом, указывает на то, что епископат желал отождествлять себя и свою власть не с харизматическими дарами смиренного духовенства и монашества, а с возможностями сильных этого мира. Правда, осознание своей значимости у носителей обозначенного титула произошло достаточно поздно, его употребление вошло в церковно-политический обиход только в XII в.

В итоге епископы, чья жизнь имела «публичный» характер, предпочитали представать людьми, совершающими суды, назидаящими власть

²⁶ Признание высокого статуса некоторых духовных лиц мы находим в летописании и агиографической литературе. Подтверждение данного обстоятельства находим в торжественных случаях (перенесение в 1072, 1115 гг. мощей Бориса и Глеба (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171–172, 280), княжеские похороны (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 198), торжественная встреча князя в 1151 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 441), при организации судов (Житие Авраамия Смоленского. С. 42, 43; ПСРЛ. Т. 2. Стб.), при соборных служениях и освящениях храмов (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199 и др.); при избрании нового печерского архимандрита (Киево-Печерский патерик. С. 486–489), правда, последнее, по-видимому, имело исключительный характер) архиереи предпочитали иметь дело не с обычными, подчинёнными им священнослужителями и клириками, а с князьями, боярами, равными себе епископами, игуменами крупнейших монастырей, старостами уличанских церквей и в некоторых случаях духовенством княжеских храмов, на которые юрисдикция архиерейской власти если и распространялась, то была существенно ограничена. Каноническая независимость таких храмов и обителей, в свою очередь, отчасти уравнивалась их материальной независимостью от епископа и особым каноническим правовым статусом, не многим уступавшим епископской кафедре. В целом в XI – первой половине XIII вв. влияние архиереев на духовенство и церковные дела в их канонических округах оставалось существенно ограниченным множеством факторов (о пределах епископской власти см.: *Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 22–42). Что же касается клира, непосредственно подчинённого архиереям, то, очевидно, между ними нередко существовала непреодолимая пропасть. И если в отношении монашества данное положение было не столь фатально, то социально-каноническое положение бедного «белого» священства чаще всего оставалось крайне тяжёлым. «Вопрошание» Кирика показывает, что еп. Нифонт предпочитал общаться со священнослужителями не прямо, а через посредство своих особых клириков, Кирика, Саввы и Ильи (см. подробнее: *Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер.: История. Вып. 51. 2012. 16 (270). С. 83–92).

²⁷ Это следует из текста Устава, пункт 4-й (Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Древнерусские княжеские уставы. С. 155).

имущих, совершающими службы в соборном окружении, восседающими за столами знати и пребывающими вблизи представителей княжеского рода. Очевидно, что архиереи искренне полагали, что их главные дела должны быть связаны со строительством храмов и распоряжением имуществами, что, вероятно, воспринималось современниками в качестве свидетельств незыблемости епископской власти. При этом сам епископат полагал, что обладает истиной и имеет право учить иных уже в силу своего сана. Обличая интеллектуальные потуги архипастырей, в Житии преподобного Феодосия упоминается, что «многашьды же сего блаженнаго (Феодосия. – П. Г.) князи и еп(и)с(ко)пи хотеша того искоусити осияюще словесы нъ не възмогаша . и акы о камыкъ бо приразивъше ся оскакахоу»²⁸.

Доказать причастность или определяющую роль церковной иерархии к архитектурной программе главнейших центров Руси: Киева, Новгорода, Смоленска, Ростова, – достаточно сложно. Но и категорически отрицать возможность вовлечения епископата в этот процесс стало бы поспешной оценкой. Подтверждение участия епископата в деле строительства могут служить епископские дворы домонгольской Руси. Если архиерейские дома позднего Средневековья и Нового времени в целом изучены, то историография, посвящённая архиерейским дворам домонгольского периода невелика. По сути, она ограничивается небольшим кругом имён, из которых наиболее выделяются исследования М. К. Каргера, давшего наиболее полный систематический анализ архитектуры архиерейских дворов Древней Руси²⁹. Пристального внимания заслуживают начинания современной исследовательницы Г. Купоровой, попытавшейся воссоздать быт и административное устройство епископских дворов домонгольского периода³⁰.

Для осознания внутренней самооценки архиереев нельзя не принять во внимание строительные амбиции епископата. Прежде всего это касается епископских резиденций в Киеве, Переяславле, Владимире, Новгороде,

²⁸ Камык – это скальная порода, скала, камень, драгоценный камень. Поэтому приведённая летописцем характеристика примечательна, поскольку прямо соотносит Феодосия с апостолом Петром, названным за свою веру «камнем», который не одолеют «врата адавы» (Мф. 16: 18). Дальнейший текст Жития объясняет природу силы преподобного, основывавшегося на вере в Христа и добродетельной жизни, подобно тому как Пётр по вере первый назвал Христа Богом. Очевидно, что оппоненты Феодосия, князья и епископат, самонадеянно пытавшиеся спорить с подвижником, с одной стороны косвенно уподоблялись силам ада и искусителям (т. е. бесам), а, с другой, – хоть и обладали знаниями, но поскольку не жили в соответствии с ними, т. е. не имели твёрдой веры к Христу, милости к бедным и т. д., в своих словах были слабы и беспомощны перед Феодосием (Житие пр(е)п(о)д(о)бнаго о(т)ца нашего Феодосия игоумена печерьскаго // Успенский сборник XII–III вв. / под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 125; Словарь русского языка X–XVII вв. М., 1980. Вып. 7: К – крагуяръ / гл. ред. Ф. И. Филин. С. 50–51).

²⁹ Каргер М. К. Древний Киев. М., Л., 1961. Т. 2. С. 206–216.

³⁰ Купорова Г. Ш., Фомина Т. Ю. Епископская улица новгородского кремля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. Ч. 2.

Смоленске³¹. По сути, они либо занимали детинцы, либо представляли собой укрепленные замки со стенами, надвратными храмами, продуманной системой уличной обороны³² и слугами³³. Вполне возможно, что подобное строительство, во-первых, было демонстрацией могущества и власти архипастыря, а, во-вторых, объяснялось нуждами безопасности. Храмовое имущество в эпоху Средневековья рассматривалось в качестве своего рода собственности города, патронов, ктиторов и дарителей, право распоряжения которым передавалось иерархам только на время³⁴.

Как нам видится, обозначенная сторона жизни и деятельности архиепископов заслуживает более пристального внимания. Как уже было отмечено, участие епископов в строительных работах традиционно рассматривается как одна из важнейших функций архиерейской власти, призванной обнаружить себя в «незыблемых» формах строительного искусства. Необходимо заметить, что архитектурные комплексы Средневековья помимо своих утилитарных функций несли и важную символическую нагрузку, выступая как в качестве маркеров социально-политического статуса их обладателей, так и в качестве узнаваемых современниками сакральных образов. Обозначенная проблема получила своё раскрытие в целом ряде работ, связанных с именами И. Н. Данилевского, И. Н. Солнцева и других исследователей, обращавших своё внимание на данную особенность древнерусского города³⁵. Несомненно,

³¹ Каргер М. К. Древний Киев. Т. 2. С. 213–216; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии в IX–XIII вв. М., 1980. С. 153 и др.

³² О наличии такой оборонительной функции улицы можно судить по примыкавшей к новгородскому детинцу Епископской улице. Не исключено, что её население в условиях сложной, в том числе уличанской, системы управления городом, с одной стороны, рассматривалось в качестве союзницы архиерея во внутренней политике, защищая интересы своего архиепископа и лоббируя его инициативы на вече, а, с другой стороны, в случае возникновения угроз, вероятно, выступало в качестве защитников детинца и святительского двора.

³³ Слово «детинец», вероятно связано с наличием «детских», бывших синонимами «отроков», т.е. слуг, обладавших высоким социальным статусом. *Детские* или *отроки* входили в число наиболее близкого окружения князей и боярства, являясь дворовыми слугами или «клиентами» своего господина (См. подробнее: Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси X–XI веков. М., 2012. С. 472–479). Примером этого может служить тот гнев, с которым были избиты в том числе *детские* князя Андрея Боголюбского после его смерти (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 369–370). Очевидно, епископат копировал структуру своего управления с княжеского двора, наполненного множеством слуг и холопов. О княжеском дворе см.: Котляр Н. Ф. «Государев двор» на Руси XII–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2010. Т. 31. С. 20–37.

³⁴ О материальных правах патронов см.: Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 43–53; Пётр (Гайденок), иером. Был ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: матер. всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2010. С. 85–89.

³⁵ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001. С. 355–368; Солнцев Н. И. Концепт «Нового Иерусалима» в строительной инициативе Андрея Боголюбского // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2012. № 4(1). С. 275–281; Солнцев Н. И. Формирование сакральной символики русско-

мненно, можно согласиться с тем, что указанное явление тесно связано с вопросами копирования восточнославянскими элитами византийских образов и представлений о власти³⁶. Но затронутое нами явление было присуще не только княжеской власти и боярству, но и церковным иерархам, ясно осознававшим силу и убедительность архитектурных форм, не только репрезентируя власть, но возводя обитателей этих строений на вершину социальной лестницы общества. Последнее становится совершенно понятным уже потому, что топография и архитектура христианизированных городов формировалась не только в контексте священных образов, но и в контексте истории княжеских родов на Руси. Возникавшие же здесь святыни и сооружения выстраивались в «симметрии» со священной библейской историей и топографией, как, например, это ясно прослеживается уже на ранней стадии Крещения Киева в рассказе об уничтожении Киевских идолов и истории возведения и освящения Десятинного храма³⁷.

Появление комплексов архиерейских дворов в Переяславле, Новгороде, Смоленске, занимавших центральное место в городе, как правило, в детинце, представлявших собой по сути епископский замок или, как называли его современники, отдельный вполне самостоятельный «город», указывает на далеко идущие устремления их строителей, не стеснявшихся демонстрировать свою особость возведением кирпичных стен, надвратных церквей, огромных палат³⁸ и организованным на византийский манер бытом³⁹.

В целом для священнической среды было и остаётся характерным крайне высокое осознание своей жизни, выполняемых функций и целей собственного существования. Правда, эта самооценка далеко не всегда совпадает с реалиями, т. е. тем, как само общество определяет место священника в своей социальной иерархии⁴⁰. Что же касается епископата, то в его кругу эта самооценка ещё более возрастает. Данное обстоятельство можно объяснить

го средневекового города // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2012. № 6(1). С. 180–187.

³⁶ Долгов В. В. Византийская иерархия государств и идея империи в политической идеологии Древней Руси XI–XIII вв. // Государство и общество: история, экономика, политика, право. 2002. № 1. С. 209–214.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116–118, 124; Ричка В. «... И просвети ю крещеньем святым» (Христианізація Київської Русі). Київ, 2013. С. 93,94, 96–97.

³⁸ Примером этого могут служить палаты новгородского епископа Митрофана, в дальнейшем переустроенные в храм (ПСРЛ. Т. 3. С. 250).

³⁹ Наглядное подтверждение этому обнаруживается, во-первых, в строительстве в Переяславле бани, созданной и богато декорированной на византийский манер (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209; Каргер М. К. Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952–1953 гг. // Советская археология. 1954. С. 6–30; Колыбенко А., Набок Л. Каменная баня от владыки Ефрема // Родина. 2008. № 8. С. 46–49); во-вторых, в одном из ответов пресвитеру Саве, рассказывавшего от том, как должен был быть устроен быт священнослужителя. В последнем случае образцом для подражания служил дом богатого византийца (РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 52 [Сав. 4]).

⁴⁰ В этом отношении крайне интересны замечания Д. Ростиславова о социальном положении духовенства XVII–XIX вв. (Ростиславов Д. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. Рязань, 2010. С. 17–19).

ясной убежденностью епископов в обладании апостольской харизмой и властью, воспринятой непосредственно от самого Господа. Очевидно, что данная черта была свойственна и сознанию епископов древней Руси. Обращаясь в 1270 г. к новгородцам, митрополит Кирилл так представлял себя: «Господь Бог дал Свою власть апостолам Своим связывать и разрешать, и после них – наследникам их. И мы – апостольские наследники, имеющие образ Христов, и властью Его обладающие. И я, верховный пастырь всея Руси, учу и наказываю вас от имени Господа»⁴¹. Резкий тон этого краткого послания, сохранённого в Никоновской летописи, во многом объясняется конфликтностью ситуации, изгнанием новгородцами своего князя и намерением митрополита авторитетом своей духовной власти призвать Новгород к послушанию⁴². Но в данном случае привлекает внимание иное. Тон послания позволяет воссоздать представление о самооценке, которая присутствовала у митрополита в отношении своего положения в обществе. Не менее интересный материал для рассуждений даёт послание юрьевского епископа Даниила к Владимиру Мономаху. Письмо представляет собой ходатайство за каких-то высокопоставленных преступников. Обращаясь к князю с всевозможной почтительностью и нарочитым показным смирением, называя собственное положение «худостью», Даниил между тем сравнивает Владимира с «кротким» Давидом, а адресованное правителю послание преподносится в качестве пророчества⁴³. То есть Даниил усваивает пророческий дар и связанный с ним высший сакральный статус. Не менее властной личностью предстаёт Нифонт новгородский. Правда, подобные оценки собственной персоны были свойственны не всем архиереям.

С этой властностью разнится снисходительный и даже просительный тон поучения Луки Жидяты⁴⁴. Не меньший пример скромности и смирения предстаёт в поступках ещё одного новгородского епископа, Никиты, принимавшего личное участие в строительных работах в монастыре Антония Римлянина⁴⁵. Примечательны жизнь и труды туровских епископов Кирилла и его преемника Лаврентия. Оба дорожили своим монашеством. При этом первый из них упражнялся в написании посланий и поучений, а второй, если верить митр. Мануилу (Лемешевскому)⁴⁶, ссылавшемуся на некое предание,

⁴¹ ПСРЛ. М., 2004. Т. 10. С. 149; Послание митрополита Кирилла к новгородцам. С. 321.

⁴² ПСРЛ. Т. 3. С. 88, 319–321; *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 50; *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 149–150.

⁴³ Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху // *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. С. 56–58.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 118–120; *Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии. С. 136–146.

⁴⁵ «Святитель же Никита, размерив место церковное и сотворив молитву. И начат подошву церковную своими честными руками копати, и заложилша церковь камени <...>» (Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // *Святые русские римляне Антоний римлянин и Меркурий Смоленский.* СПб., 2005. С. 264).

⁴⁶ При всём старании этого святителя, его труд всё же полон ошибок и ничем не подтверждаемых ссылок на сомнительный авторитет смутного предания.

тяготился архиерейским саном и желал возвращения в затвор⁴⁷. В XI – первой половине XII в. нечто подобное можно наблюдать в действиях значительной части митрополитов, в большинстве поступков которых отсутствовал гипертрофированный религиозный снобизм. Это выражалось во всём: в их малоподвижности (архиереи почти не выезжали за пределы кафедрального города), в том, что, будучи главами диоцеза, они были вынуждены мириться с явным неприятием их архипастырской власти со стороны княжеских и Печерского монастырей⁴⁸. Первосвятители считались с фактической автономией ряда подчинённых им епископских кафедр⁴⁹. В конце концов, они боялись толпы и княжеского гнева⁵⁰, а пределы их архипастырской власти определялись границами возможностей покровителей в лице конкретных великих князей.

Из всего вышесказанного можно заключить, что создать некий универсальный исторический образ древнерусского архиерея, а вместе с ним и некую единую систему самооценки архипастырской едвы ли возможно. Обозначенное обстоятельство объясняется тем, что жизненный опыт епископов не совпадал, их деятельность и служение протекали в различных исторических и социальных условиях, они получали разное воспитание, обусловленное семейными традициями и интересами. И тем не менее в этом обилии личностей, о которых, правда, сохранились самые скудные сведения и свидетельства, можно выделить определённые типажи, со свойственными им наборами личностных особенностей, принятых форм поведения и специфических представлений о моральных и этических нормах.

К сожалению, содержание источников таково, что едва способно вполне удовлетворить наш интерес. Трудноразрешимость сформулированной проблемы объясняется ещё одним обстоятельством. Система ценностей, интересов и жизненных смыслов нашего времени не совпадает с той, в которой жили люди XI–XIII вв. Поэтому прочтение источников и адекватная интерпретация получаемой из них информации по-прежнему – настоящая «головная боль» исследователей данного периода. Что же касается проведения комплексной реконструкции самосознания епископата в домонгольской Руси, то на современном этапе развития исторической науки полное осуществление заявленной цели едва ли возможно. Поэтому большинство наших выводов по сформулированной проблеме имеют предварительный и отчасти гипотетичный характер. А значит, в предложенных суждениях необходимо усматривать одну лишь постановку проблемы, а не её разрешение.

⁴⁷ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи: в 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 232.

⁴⁸ Присёлков М. Д. Указ. соч. С. 106–109; Гайденок П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю. Указ. соч. С. 52–53.

⁴⁹ Наиболее наглядно это проявилось в период святительства Климента Смолятича. Так и не сумевшего подчинить себе новгородскую и черниговскую кафедры.

⁵⁰ Во время киевского восстания 1147 г. митрополит так и не вмешался в мятеж, оставив новопостриженного инока, бывшего великого князя Игоря на растерзание толпы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 349–354).

Список литературы:

1. *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии в IX–XIII вв. / отв. ред. Я. Н. Щапов. М., 1980.
2. *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007.
3. *Вуд Дж., Серре Ж.* Дипломатический церемониал и протокол: Принципы, процедура и практика. М., 1976.
4. *Гайденок П.И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055-1059 гг.) // Каптеревские чтения. 7 / отв. ред. М. В. Бибиков. М., 2009.
5. *Гайденок П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013.
6. *Гайденок П. И., Фомина Т. Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер.: История. Вып. 51. 2012. 16(270).
7. *Галимов Т. Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах в середине XII – первой трети XIII века // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер.: История. 2012. № 25(52).
8. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001.
9. *Долгов В. В.* Византийская иерархия государств и идея империи в политической идеологии Древней Руси XI–XIII вв. // Государство и общество: История, экономика, политика, право, 2002. № 1.
10. *Каргер М. К.* Древний Киев: в 2 т. М.; Л., 1961. Т. 2.
11. *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952–1953 гг. // Советская археология. 1954.
12. *Колыбенко А., Набок Л.* Каменная баня от владыки Ефрема // Родина. 2008. № 8.
13. *Копреева Т. Н.* Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа (опыт реконструкции) // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1969. Т. 24: Литература и общественная мысль Древней Руси.
14. *Костромин К. А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken., 2012.
15. *Котляр Н. Ф.* «Государев двор» на Руси XII–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2010. Т. 31.
16. *Купорова Г. Ш., Фомина Т. Ю.* Епископская улица новгородского кремля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9.
17. *Куц Т. В.* Эпистолярная практика поздней Византии // Изв. Урал. гос. ун-та: Гуманитарные науки, 2005. № 39.
18. *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи (988–1892): в 3 т. М., 2003. Т. 2.
19. *Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI в., 2009. № 4, 5.

20. Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в. 2009. № 2.
21. Никулин И. А. Митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий (Римский-Корсаков): восприятие своего служения архиереем конца XVII в. // Уральский исторический вестник. 2012. 3(306).
22. Овчинников Г. К. Иларион-русин – выдающийся мыслитель Древней Руси (Очерки жизни и творчества). М., 2011.
23. Петр (Гайденко), иером. Был ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: матер. Всерос. науч.-практ. конф. г. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) / отвр. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2010.
24. Петр (Гайденко П.И.), иером., Филиппов В. Г. Внутрицерковные конфликты в домонгольской Руси: причины возникновения и способы преодоления // Вест. Екатеринбург. дух. семинар. 2012. Вып. 2.
25. Поляковская М. А. Сакрализация парадной жизни императорского дворца эпохи Палеологов // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 4(66).
26. Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.
27. Ричка В. «... И просвети ю крещеньем святым» (Християнізація Київської Русі). Київ, 2013.
28. Ростиславов Д. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. Рязань, 2010.
29. Солнцев Н. И. Концепт «Нового Иерусалима» в строительной инициативе Андрея Боголюбского // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4 (1).
30. Солнцев Н. И. Формирование сакральной символики русского средневекового города // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2012. № 6 (1).
31. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси X–XI веках. М., 2012.
32. Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. М. 2005. Т. 2.
33. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955.
34. Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.
35. Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. М., 1980.
36. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

**SELF-UNDERSTANDING OF BISHOPS (SOME STROKES TO A
PORTRAIT OF THE OLD RUSSIAN EPISCOPATE OF XI-OF THE
MIDDLE OF THE XIII CENTURIES)**

P. I. Gaydenko

The Kazan National Research Technological University, the Dept. of humanitarian disciplines

Internal life of Old Russian clergy, and especially the episcopate not often became a subject of scientific research. In presented article attempt to reveal how Old Russian bishops of XI - the first half of the XIII centuries realized the acts and own life is made. The analysis of sources allows to conclude, that the majority of Old Russian very pastors possessed a high self-assessment. The reasons of this phenomenon should be looked for not only in a social origin of prelates, but also features of religious consciousness and specifics of the church relations of a described era.

Keywords: *Ancient Russia, Old Russian episcopate, history of the Russian Church, history of the Russian church hierarchy.*

Об авторе:

ГАЙДЕНКО Павел Иванович – Казанский национальный исследовательский технологический университет, кафедра гуманитарных дисциплин, доктор исторических наук, доцент, e-mail: paul08kaz@rambler.ru

About the authors:

GAYDENKO Pavel Ivanovich – the Doctor of Historical Sciences, Professor, the Dept. of humanitarian disciplines, the Kazan National Research Technological University (420029, Kazan, Sibirskiy Trakt 12, Corps «D»), e-mail: paul08kaz@rambler.ru

References

- Alekseev L.V. Smolenskaya zemlya v IX–XIII vv.: Ocherki istorii Smolenshchiny i Vostochnoi Belorussii v IX–XIII vv. / otv. red. Ya. N. Shchapov. M., 1980.
- Voronin N.N. Andrei Bogolyubskii. M., 2007.
- Vud Dzh., Serre Zh. Diplomaticheskii tseremonial i protokol: Printsipy, protsedura i praktika. M., 1976.
- Gaidenko P.I. Eshche raz o sude Lukoi Zhidyatoi (1055-1059 gg.) // Kapterevskie chteniya. 7 / otv. red. M. V. Bibikov. M., 2009.
- Gaidenko P. I., Moskaleva L. A., Fomina T. Yu. Tserkov' domongol'skoi Rusi: ierarkhiya, sluzhenie, nnavy. M., 2013.
- Gaidenko P. I., Fomina T. Yu. O tserkovnom statuse Kirika Novgorodtsa i inykh sostavitelei voprosaniya // Vestn. Chelyabin. gos. un-ta. Ser.: Istoriya. Vyp. 51. 2012. 16(270).
- Galimov T. R. Russkaya tserkovnaya ierarkhiya v knyazheskikh mezhdousobitsakh v serediny XII – pervoi treti XIII veka // Vestn. Chelyabin. gos. un-ta. Ser.: Istoriya. 2012. № 25(52).

- Danilevskii I. N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.). M., 2001.
- Dolgov V. V. Vizantiiskaya ierarkhiya gosudarstv i ideya imperii v politicheskoi ideologii Drevnei Rusi XI–XIII vv. // Gosudarstvo i obshchestvo: Istoriya, ekonomika, politika, pravo, 2002. № 1.
- Karger M. K. Drevnii Kiev: v 2 t. M.; L., 1961. T. 2.
- Karger M. K. Raskopki v Pereyaslavle-Khmel'nitskom v 1952–1953 gg. // Sovetskaya arkheologiya. 1954.
- Kolybenko A., Nabok L. Kamennaya banya ot vladyki Efrema // Rodina. 2008. № 8.
- Kopreeva T. N. Obraz inoka Polikarpa po pis'mam Simona i Polikarpa (opyt rekonstruktsii) // Trudy otdela drevnerusskoi literatury. L., 1969. T. 24: Literatura i obshchestvennaya mysl' Drevnei Rusi.
- Kostromin K. A. Tserkovnye svyazi Drevnei Rusi s Zapadnoi Evropoi (do sereдины XII v.): Stranitsy istorii mezkhkonnessional'nykh otnoshenii. Saarbrucken., 2012.
- Kotlyar N. F. «Gosudarev dvor» na Rusi XII–XIII vv. // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. SPb., 2010. T. 31.
- Kuporova G. Sh., Fomina T. Yu. Episkopskaya ulitsa novgorodskogo kremlya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 9.
- Kushch T. V. Epistol'yarnaya praktika pozdnei Vizantii // Izv. Ural. gos. un-ta: Gumanitarnye nauki, 2005. № 39.
- Manuil (Lemeshevskii), mitr. Russkie pravoslavnye ierarkhi (988–1892): v 3 t. M., 2003. T. 2.
- Mil'kov V. V. Dukhovnaya družhina russkoi avtokefalii: Ilarion Kievskii // Rossiya XXI v., 2009. № 4, 5.
- Mil'kov V. V. Dukhovnaya družhina russkoi avtokefalii: Luka Zhidyata // Rossiya XXI v. 2009. № 2.
- Nikulin I. A. Mitropolit Tobol'skii i Sibirskii Ignatii (Rimskii-Korsakov): vospriyatие svoego sluzheniya arkhieereem kontsa XVII v. // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2012. 3(306).
- Ovchinnikov G. K. Ilarion-rusin – vydayushchiysya myslitel' Drevnei Rusi (Ocherki zhizni i tvorchestva). M., 2011.
- Petr (Gaidenko), ierom. Byl li episkopat i dukhovenstvo Kievskoi Rusi feodalami? // Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost': mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. g. (Ekaterinburg, 18–20 aprelya 2010 g.) / otvr. red. V. V. Alekseev. Ekaterinburg, 2010.
- Petr (Gaidenko P.I.), ierom., Filippov V. G. Vnutritserkovnye konflikty v domongol'skoi Rusi: prichiny vozniknoveniya i sposoby preodoleniya // Vest. Ekaterinburg. dukh. seminar. 2012. Vyp. 2.
- Polyakovskaya M. A. Sakralizatsiya paradnoi zhizni imperatorskogo dvortsa epokhi Paleologov // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2009. № 4(66).

- Priselkov M. D. Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv. SPb., 2003.
- Richka V. «... I prosveti yu kreshchen'em svyatym» (Khristiyanizatsiya Kiïvs'koï Rusi). Kiïv, 2013.
- Rostislavov D. Opyt issledovaniya ob imushchestve i dokhodakh nashikh monastyrei. Ryazan', 2010.
- Solntsev N. I. Kontsept «Novogo Ierusalima» v stroitel'noi initsiative Andreyа Bogolyubskogo // Vestn. Nizhegorod. un-tа im. N. I. Lobachevskogo. 2012. № 4 (1).
- Solntsev N. I. Formirovanie sakral'noi simvoliki russkogo srednevekovogo goroda // Vestn. Nizhegorod. un-tа im. N.I. Lobachevskogo, 2012. № 6 (1).
- Stefanovich P. S. Boyare, otroki, družiny: voenno-politicheskaya elita Rusi X–XI vekakh. M., 2012.
- Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya: v 3 t. M. 2005. T. 2.
- Tikhomirov M. N. Krest'yanskіe i gorodskie vosstaniya na Rusi XI–XIII vv. M., 1955.
- Florya B. N. Issledovaniya po istorii tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e. M., 2007.
- Khoroshev A. S. Tserkov' v sotsial'no-politicheskoi sisteme novgorodskoi feodal'noi respubliki. M., 1980.
- Yanin V. L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. M., 2008.

Статья поступила в редакцию 20.05.2013